

В.А. Томсинов

Роковая война Наполеона Бонапарта

Опубликовано в издании:

Партитура Первой Отечественной.

Война 1812 года / Составитель Е.Н. Рудая.

М.: Вече, 2012. С. 15–82

(серия «Наталия Нарочницкая представляет...»)

В. А. ТОМСИНОВ,
зав. кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Роковая война Наполеона Бонапарта

*«Тот, кто избавил бы меня от этой войны,
оказал бы мне великую услугу;
но вот она передо мною,
нужно из нее выпутываться»*

Наполеон — министру полиции
А.-Ж. М. Р. Савари, герцогу Ровиго. Апрель 1812 года

О войне Франции с Россией, начавшейся 12 (24) июня 1812 года вторжением в российские пределы огромной наполеоновской армии, написана масса книг и статей. Участники этой войны оставили множество воспоминаний о ней. Историки описали в деталях ее предысторию, изучили все ее мало-мальски значимые события, собрали и обобщили множество разнообразных сведений о сражавшихся войсках, их командирах. И тем не менее многие тайны данной войны до сих пор остаются неразгаданными. Самой главной из них является, безусловно, тайна ее возникновения. Ни Франции, ни тем более России эта война была не нужна, никакой жизненно важной задачи, стоявшей перед ними, победа в ней решить не могла — почему же тогда она произошла? Оба императора — и Наполеон Бонапарт, и Александр I — не желали этой войны, поскольку ясно сознавали, что она несет в себе опаснейшие угрозы для самого существования их государств, и несмотря на это не предпринимали сколько-нибудь серьезных попыток предотвратить ее, но влекомые

неумолимым роком шли к ней неудержимо и неостановимо, по меньшей мере, с конца 1810 года.

* * *

Три державы определяли в первое десятилетие XIX века течение европейской политической жизни: Англия, Франция и Россия. При этом только между первыми двумя государствами существовали непримиримые противоречия — непримиримые потому, что имели экономическую природу.

Данные противоречия проявились еще в период французской революции. 18 вандемьера II года Республики (10 октября 1793 года) якобинский Конвент издал декрет, который запрещал ввоз во Францию каких-либо товаров, произведенных в Англии. Якобинская диктатура пала, но проводившаяся ею в отношении Англии политика была продолжена другими французскими правительствами.

10 брюмера V года Республики (1 ноября 1796 года) Советом старейшин был принят закон, ранее одобренный Советом пятисот, в котором устанавливалось, что «импорт произведенных товаров, происходящих из английских фабрик или торговли, запрещается, как по морю, так и по суше, на всем пространстве Французской республики»¹. Закон предписывал конфисковывать все попадавшие во Францию товары английского производства, даже если они приобретались не у англичан. В пятой статье данного акта приводился список товаров, которые были отнесены к разряду «считающихся происходящими из английских фабрик (réputés

¹ «L'importation des marchandises manufacturées provenant, soit des fabriques, soit du commerce anglais, est prohibée, tant par mer que par terre, dans toute l'étendue de la République française» (цит. по: *Тарле Е. В.* Сочинения. В 12-ти томах. Том 3. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. М., 1958. С. 114).

provenir des fabriques anglaises)». Они подлежали конфискации даже в том случае, если их английское происхождение было не доказано.

Торговая война Франции и Англии продолжалась и в последующие годы. Административная реформа, проведенная в 1800 году первым консулом Наполеоном Бонапартом, жесткие меры, предпринятые им против коррупции, а также мероприятия по стимулированию промышленности, способствовали быстрому росту французской экономики. Между тем установленные законом 1796 года запреты на ввоз английских товаров на территорию Франции довольно часто успешно обходились. Значительные их партии ввозились контрабандным путем: население испытывало нужду в этих товарах и охотно приобретало их нелегальным способом. В ответ на рост контрабанды французские промышленники стали требовать от своего правительства ужесточения запретительной политики по отношению к продукции английского производства. Правительство не могло игнорировать интересы отечественной промышленности, которая в то время еще только становилась на ноги и сильно уступала промышленности Англии, и приняло дополнительные меры по недопущению английских товаров в пределы страны². Причем Наполеон не отказался от этой политики даже после того, как 25 марта 1802 года в Амьене заключил с Англией мирный договор.

Как показали последующие события, правительства обеих стран смотрели на этот договор как на временное перемирие и, преследуя свои интересы, не стеснялись нарушать его условия. В результате 22 мая 1803 года Англия объявила войну Франции. Не прекращавшаяся даже во время действия Амьенского мирного договора торговая война между обеими странами стала вследствие этого еще более

² См. об этом: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 111-112.

ожесточенной. Чтобы предотвратить попытки ввоза английской хлопчатобумажной ткани во Францию под видом продукции других стран Наполеон своим декретом, изданным 22 февраля 1806 года, полностью запретил ввоз на французскую территорию подобных тканей из-за границы. Французские производители хлопчатобумажных тканей встретили данный акт с восторгом. Благие последствия этой меры отметил и министр внутренних дел, заявивший в отчете императору: «Этот декрет создаст эпоху в истории французской промышленности, наши фабриканты никогда не забудут, с каким вниманием ваше величество рассмотрело этот вопрос, именно благодаря декрету хлопчатобумажная промышленность процветает, несмотря на общие неблагоприятные обстоятельства. В момент издания декрета Франция покупала хлопчатобумажной пряжи и материй на 70–80 миллионов франков, и вся эта сумма шла в пользу Англии. Теперь почти вся эта сумма остается во Франции»³.

Создавая благоприятные условия для развития французской текстильной промышленности, Декрет от 22 февраля 1806 года одновременно воздвигал барьеры на пути развития текстильного производства в других странах. Его издание показывало, что главным средством борьбы с Англией император Наполеон избрал меры, подрывающие ее экономику. Данный выбор был во многом вынужденным. Поражение, нанесенное английским флотом под командованием адмирала Нельсона, франко-испанскому флоту 21–23 октября 1805 года у мыса Трафальгар, лишило Наполеона возможности безопасно переправить свои войска через пролив Ла-Манш для высадки на территории Великобритании и решить

³ Цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 143.

конфликт с Англией путем военного вторжения в ее пределы. Однако торговая война Франции против Англии могла быть успешной лишь при условии содействия ей всех европейских стран. Но как мог Наполеон заставить их присоединиться в данном случае к Франции? — Очевидно, только подчинив своей воле правительства этих стран. Однако, достичь этой цели возможно было, лишь применив военную силу. Продолжение экономической войны Франции против Англии подводило Наполеона к идее военного захвата европейских стран.

Австрийский дипломат Клемент фон Меттерних был, пожалуй, самым внимательным в Европе наблюдателем за внешнеполитическими действиями Наполеона. В своих мемуарах он оставил весьма любопытное рассуждение о характере наполеоновских завоеваний. По его словам, «система завоеваний Наполеона была, впрочем, по своему характеру всецело своеобразной. Всеобщее господство, к которому он стремился, не имело целью концентрацию в его руках прямого управления огромной массой стран, но установление центрального верховенства над государствами Европы, согласно идеалу, искаженному и преувеличенному империей Карла Великого»⁴. Указав на главную цель наполеоновских завоеваний в Европе, Меттерних не дал объяснение этой их особенности. А между тем стремление Наполеона подчинить себе верховные государственные власти европейских стран, оставив население в прежнем состоянии, было вполне логичным для того направления

⁴ «Le système de conquêtes de Napoléon était d'ailleurs d'un caractère tout particulier. La domination universelle à laquelle il visait n'avait pas pour objet de concentrer dans ses mains le gouvernement direct d'une masse énorme de pays, mais d'établir une suprématie centrale sur les Etats de l'Europe, d'après l'idéal défiguré et exagéré de l'Empire de Charlemagne» (Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État. Tome 1. Paris, 1880. P. 290–291).

действий, которое являлось основным в его внешней политике.

Французский император вел войну, в сущности, только против одной страны – Англии. Его военные походы против других европейских стран были, за редким исключением, всего лишь частью этой большой войны, от исхода которой зависела судьба Франции. Французская экономика не могла подняться в условиях свободного доступа английских товаров на европейский рынок: они были дешевле и качественнее и при свободной конкуренции легко заполняли бы и рынок самой Франции, разоряя ее промышленность. Но закрыть европейский рынок для английских товаров можно было лишь совместными действиями всех или хотя бы ведущих стран Европы. Побудить эти страны к таким действиям Наполеон и рассчитывал посредством их завоевания. Он полагал, что правительства завоеванных стран ему нетрудно будет заставить проводить единую политику по отношению к Англии, особенно если четко прописать ее основные принципы в специальном законодательном акте.

К осени 1806 года Наполеону удалось с помощью военной силы подчинить своей власти почти всю центральную Европу. Контроль французского императора был установлен над Голландией, Италией, Испанией, большинством германских государств. В октябре указанного года Наполеон провел успешную военную операцию против Пруссии, разбив ее армию при Зальфельде, под Йеною и Ауэрштедтом. 27 октября французские войска вступили в Берлин.

Здесь 21 ноября 1806 года Наполеон подписал «декрет, объявляющий британские острова в состоянии блокады»⁵. Он

⁵ Décret qui declare les îles britanniques en état de blocus. 21 novembre 1806 // Collection complete des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-D'État, publiée sur les éditions officielles du Louvre; de l'imprimerie nationale, par Baudouin; et du bulletin de lois. Tome 16. A Paris, 1826. P. 66–68.

начинался с констатации того, «что Англия совсем не признает международного права, которому повсеместно следуют все цивилизованные народы», «что она считает врагом всякого индивида, принадлежащего к вражескому государству, и делает вследствие этого военнопленными не только экипажи военных судов, но еще и экипажи торговых судов и кораблей торговцев, и даже торговых посредников и негоциантов, путешествующих ради своих коммерческих дел», «что она распространяет на торговые суда и на товары и на имущество частных лиц право захвата, которое не может применяться к тем, кто принадлежит к враждебному государству», «что она распространяет на города и торговые неукрепленные порты в гаванях и в устьях рек право блокады, которое в соответствии с разумом и обычаем всех цивилизованных народов применяется только к укрепленным местам», «что она объявила блокированными места, около которых нет даже одного военного корабля...», «что это чудовищное злоупотребление правом блокады не имеет ничего иного, как воспрепятствовать сношениям между народами и развить торговлю и промышленность Англии на обломках промышленности и торговли континента»...

Перечисление нарушений Англией международно-правовых норм заканчивалось в декрете от 21 ноября 1806 года следующим заявлением: «Мы решили применить к Англии те приемы, которые она закрепила в своем морском законодательстве».

Предпринимавшиеся французским правительством против Англии меры были изложены в десяти статьях декрета.

Первая статья гласила: «Британские острова объявляются в состоянии блокады». Во второй статье устанавливался запрет на всякую торговлю и всякую корреспонденцию с британскими

островами. Третья статья объявляла: «Всякий индивид, подданный Англии, какого бы состояния и положения он ни был, который будет обнаружен в странах, оккупированных нашими войсками или войсками наших союзников, будет обращен в военнопленного». В четвертой статье устанавливалось: «Всякий склад, всякий товар, всякое имущество, какой бы природы оно ни могло быть, принадлежащее подданному Англии, будет объявлено законной добычей (*bonne prise*)».

Пятая статья декрета о блокаде британских островов запрещала торговлю английскими товарами и объявляла «законной добычей» «всякий товар, принадлежащий Англии, или происходящий из ее фабрик или из ее колоний». Седьмая статья предупреждала, что всякое судно, приходящее непосредственно из Англии или из английских колоний, с момента публикации настоящего декрета не будет принято ни в одном порту.

В декрете отмечалось, что его положения будут рассматриваться в качестве «фундаментального принципа империи (*principe fondamental de l'empire*)» до тех пор, «пока Англия не признает, что право войны одно и то же на суше и на море; что оно не может распространяться на частное имущество, кем бы они ни были, ни на личность иностранцев военной профессии, и что право блокады должно быть ограничено укрепленными местами, действительно обладающими достаточными военными силами»⁶.

Подписанный 21 ноября 1806 года декрет о блокаде британских островов Наполеон в тот же день передал своему министру иностранных дел Шарлю Морису де Талейрану и приказал разослать его текст по столицам подчиненных Франции европейских

⁶ Décret qui declare les iles britanniques en état de blocus. 21 november 1806. P. 67.

государств. Так было положено начало самому грандиозному явлению европейской истории наполеоновского периода — политике так называемой «континентальной блокады». В лоне именно этой политики возникнут импульсы, которые в конце концов двинут Наполеона в военный поход против России.

Англия не могла оставить без ответа издание декрета о блокаде британских островов. 7 января 1807 года был издан приказ короля в совета (order in council), который запретил «торговлю из одного порта в другой», если в эти порты не допускались английские корабли. Британское правительство взяло курс на уничтожение любых, в том числе замаскированных, форм экспортной торговли Франции. 11 ноября 1807 года в Лондоне было издано одновременно три приказа в совета, посвященных регулированию международной торговли. Они устанавливали запрет для любой нейтральной страны торговать со странами «враждебными его величеству» без захода кораблей в английский порт и уплаты там налогов и пошлин, установленных британским правительством. Для торговцев, которые нарушат данный запрет, устанавливалось наказание в виде конфискации кораблей и грузов.

В ответ на эти акты Наполеон принял меры, ужесточившие блокаду британских островов. Декретами, изданными 23 ноября и 17 декабря 1807 года, корабли нейтральных стран, которые выполняли требование британского правительства о заходе в английские порты и об уплате налогов и пошлин, приравнивались к английским и соответственно подлежали конфискации.

* * *

Все подобные меры означали, что вражда между Англией и Францией все более затрагивал интересы других стран. Россия не

имела серьезных причин для конфликта ни с Англией, ни с Францией и готова была поддерживать добрые отношения одновременно с обеими этими странами. Однако острота англо-французская вражды делала такой вариант устройства международных отношений невозможным. В результате заключение Россией союза с одной из этих держав всегда означало вступление в войну с другой. Император Павел I осенью 1800 года совершил поворот внешней политики России к союзу с Францией. Казалось бы, никакой необходимости рвать при этом отношения с Великобританией у него не было. Однако уже в начале января 1801 года Павел I и Наполеон Бонапарт начали подготовку совместного похода двух экспедиционных корпусов (по 35 тысяч чел. каждый) в индийские владения Англии, то есть Россия фактически ввязалась с ней в войну. Данный поворот во внешней политике скорей всего и решил судьбу Павла I: есть все основания полагать, что в заговоре против российского императора, ставшего союзником французского первого консула, повлекшим за собой его убийство в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, активное участие приняло британское правительство, добиваясь тем самым отказа России от союза с Францией, смертельно опасного для Англии⁷.

Вступивший на престол после убийства Павла I его сын Александр действовал как по команде из Лондона — Россия снова стала дружить с Англией, а с Францией только ссориться. В 1805 году Россия приняла участие в войне с Францией в составе коалиции европейских стран: Австрии, Англии, Швеции и Неаполя. Поражение войск коалиции в битве с наполеоновской армией под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 года привело к ее распаду. Австрия

⁷ См. об этой версии убийства Павла I в книге: Томсинов В. А. Аракчеев (серия «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2003. С. 125–138.

поспешила заключить мир с Францией. С середины ноября 1806-го и до начала июня 1807 года Россия снова находилась в войне с Францией — на этот раз в союзе с Англией и Пруссией.

Кровопролитные сражения русских войск с французскими при Прейсиш-Эйлау⁸ 7-8 (19-20) февраля 1807 года⁹ и под Фридландом 2 (14) июня 1807 года¹⁰ убедили Александра I и Наполеона в бессмысленности войны между Россией и Францией, в том, что она могла иметь только один итог — взаимное истощение русских и французских сил¹¹ к выгоде Англии¹², у которой вследствие этого развязывались руки для проведения угодной ей политики на континенте.

⁸ Ныне г. Багратионовск.

⁹ Русский корпус, которым командовал генерал Л.Л. Беннигсен, потерял в этом сражении убитыми и ранеными 26 тыс. чел., французы — не меньше. «Ce n'était pas une bataille, mais un carnage (это была не баталия, а кровавая бойня)», — сказал впоследствии Наполеон генералу Беннигсену о сражении при Прейсиш-Эйлау.

¹⁰ Русские войска потеряли в этом сражении более 15 тыс. чел.

¹¹ Князь Александр Борисович Куракин, занимавший в 1807 г. должность чрезвычайного и полномочного посла при Венском дворе, принимал участие в тильзитских переговорах Александра I и Наполеона. Пребывая в Тильзите, он регулярно писал императрице Марии Федоровне о том, что там происходило. В письме от 3 (15) июня 1807 г. он описал совещание приближенных к Александру I сановников, состоявшееся в указанный день, на котором обсуждалась возможности России вести длительную войну с Францией. Великий князь Константин Павлович категорично высказался против продолжения этой войны, указав, что у России мало для этого резервов — всего две дивизии, «в которых едва будет 35 тыс.», что есть «недостаток в оружии, припасах, деньгах», а на народ надеяться не следует, хотя он «известен своею доблестью и беспредельною преданностью своим государям», «противиться же победоносной армии, когда она на него нападет, народ не в состоянии» (Русский архив. 1868. Вып. 1. С. 84).

¹² В письме из Тильзита к императрице Марии Федоровне, датированном 22 мая (3 июня) 1807 г., Ал-р Б. Куракин писал: «Даже самые ревностные защитники Англии не могут объяснить в хорошую сторону ее поведение в отношении нас и ничтожность пособий, которая она до сих пор выставила, и ею по справедливости все недовольны» (Русский архив. 1868. Вып. 1. Стлб. 48-49). Англия не выполнила своего обещания послать для поддержки своих союзников 10-12 тыс.

вспомогательный корпус и помочь финансами, но равнодушно взидала, как терпела поражение Пруссия. В то же время британское правительство направило свои войска в Египет, начало боевые действия против Аргентины, расширило свои владения в Индии.

Заключение мирного договора было в создавших условиях очевидным шагом для обеих сторон, и они пошли на него, договорившись предварительно о перемирии. Любопытно, что инициаторами замирения для выработки мирного договора были одновременно Александр I и Наполеон. Французский император сразу же после сражения под Фридландом дал понять, что не желает продолжать войну с Россией. Он отказался от дальнейшего наступления, хотя мог воспользоваться победой в сражении и занять Вильно¹³, более того Наполеон позволил русской армии со всеми ее обозами беспрепятственно переправиться по Тильзитскому мосту на правый берег Немана. Днем 7 (19) июня генерал Беннигсен послал к маршалу Бертье князя Д. И. Лобанова-Ростовского, присланного Александром I специально для проведения переговоров о перемирии. А в ночь на 8 (20) июня к главнокомандующему русскими войсками прибыл от Наполеона генерал Дюрок, сообщивший о желании императора французов заключить мир с российским государем.

13 (25) июня 1807 года Александр I и Наполеон встретились посреди Немана на возведенном специально для этого случая плоту. Первая фраза, которую произнес российский государь, была весьма примечательной: «*Je hais les Anglais autant que vous les haïssez, et je serai votre second dans tout ce que vous ferez centre eux* (Я ненавижу Англию не менее вас и готов вас поддерживать во всем, что вы предпримете против них)». Роковая закономерность, с давних времен пронизывавшая отношения трех ведущих европейских держав, продолжала действовать и в этот раз: **заключение Россией нового союза с Францией означало вступление ее в войну с Англией.**

¹³ В письме Александру I от 28 февраля 1811 г. Наполеон сообщил, вспоминая указанные события: «Я мог быть в Вильне через двенадцать дней после сражения при Фридланде».

Наполеон дал на эти слова Александра I вполне естественный ответ. «Если так, — сказал он, то все может быть улажено и мир упрочен».

Тильзитский мирный договор был подписан 25 июня (7 июля) 1807 года, а ратифицирован через два дня — в годовщину Полтавской победы русской армии над шведской. В нем констатировалось прекращение всех враждебностей со стороны России и Франции на суше и море («*Toutes les hostilités cesseront immédiatement de part et d'autre, sur terre et sur mer*»)¹⁴. Все военные корабли, принадлежавшие какой-либо из сторон и захваченные другой стороной, подлежали, согласно третьей статье договора, возвращению, а если они были проданы, то возратить надлежало их стоимость. Четвертой статьей Наполеон соглашался возратить Прусскому королю, союзнику русского императора, часть отторгнутых Францией городов и территорий. Однако польские провинции, присоединенные в 1772 году к Пруссии, отходили, в соответствии с пятой статьей, в полную собственность и под суверенитет короля Саксонии, который должен был владеть ими под титулом Варшавского герцога. Четырнадцатой статьей Наполеон принимал посредничество Александра I для ведения переговоров о заключении мирного договора между Францией и Англией. Двадцать третьей статьей российский император обязывался вывести свои войска из Валахии и Молдавии.

В приложенных к тильзитскому договору сепаратных и секретных статьях император Александр I признавал все изменения в

¹⁴ *Traité de paix et d'amitié* // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. СПб., 1893. С. 52. «Со дня размена ратификаций настоящего трактата будет между Его Величеством императором Всероссийским и Его Величеством императором французским, королем италийским мир и совершенная дружба», — гласила первая статья русского текста Тильзитского договора (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Том 29. № 22584. С. 1233).

политическом строе Европы, произведенные в результате наполеоновских завоеваний¹⁵.

Кроме того, 25 июня (7 июля) 1807 года в Тильзите между Россией и Францией был заключен тайный «Договор о союзе наступательном и оборонительном»¹⁶, состоявший из девяти статей.

Первая его статья гласила: «Его Величество император всей России и Его Величество император французов, король Италии¹⁷, берут на себя обязательство действовать заодно, или на суше, или на море, либо, в конце концов, на суше и на море, в любой войне, которую по необходимости предпримет Франция или Россия или оказывать поддержку против любой европейской державы»¹⁸.

Согласно третьей статье, Россия и Франция обязывались при ведении совместных военных операций против какого-либо государства не заключать с ним договора о мире без участия и согласия друг друга.

В четвертой статье «Договора о союзе наступательном и оборонительном» говорилось, что если Англия не примет посредничества России, или примет, но не даст согласия до будущего 1 ноября заключить мир, признав, что флаги всех держав должны пользоваться равенством и полной независимостью на морях, и возвратив захваченное ею у Франции и ее союзников с 1805 года, то российский император будет действовать заодно с Францией и, в случае, если британское правительство не даст категоричного и

¹⁵ Articles séparés et secrets // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. С. 58–59.

¹⁶ Traité d'alliance offensive et defensive conclu à Tilsit le 25 Juin (7 Juillet) 1807 // Там же. С. 60–62.

¹⁷ Титул короля Италии носил Наполеон.

¹⁸ «Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, s'engagent à faire cause commune, soit par terre soit par mer, soit enfin par terre et par mer, dans toute guerre que la France ou la Russie serait dans la nécessité d'entreprendre ou de soutenir contre toute puissance Européenne» (Traité d'alliance offensive et defensive conclu à Tilsit le 25 Juin (7 Juillet) 1807 // Там же. С. 60).

удовлетворительного ответа на предложение России, посол России в Лондоне получит приказ покинуть немедленно Англию.

Ключевой статьёй рассматриваемого договора между Россией и Францией была пятая. В ней устанавливалось: «При наступлении случая, предусмотренного предыдущей статьёй, высокие договаривающиеся стороны будут действовать совместно и в тот же самый момент потребуют от трех дворов: Копенгагена, Стокгольма и Лиссабона, закрыть свои порты для англичан, отозвать из Лондона своих послов и объявить войну Англии. Тот из трех дворов, который откажется это сделать, будет считаться врагом двумя высокими договаривающимися сторонами и если Швеция откажется, то Дания будет вынуждена объявить ей войну»¹⁹. Данная статья означала присоединение России к блокаде Англии в случае отказа британского правительства вступить в переговоры о мире с Францией и фактическое объявление Россией войны Великобритании. Очевидно, что именно этого и хотел Наполеон, заключая мирный договор с императором Александром I. Правда, из содержания четвертой и пятой статей Договора о союзе наступательном и оборонительном» следовало, что Россия присоединялась к блокаде Англии не сразу, а только после 1 декабря 1807 года. И при условии, если участие в ней принимали Дания, Швеция и Португалия. Эффективность создававшейся Наполеоном системы континентальной блокады сводилась к минимуму, если хотя бы одна европейская страна не участвовала в ней. С морской контрабандой еще можно было

¹⁹ «Arrivant le cas prévu par l'article précédent, les hautes parties contractantes feront de concert et au même moment sommer les trois Cours de Copenhague, de Stockholm et de Lisbonne, de fermer leurs ports aux Anglais, de rappeler de Londres leurs Ambassadeurs et de déclarer la guerre à l'Angleterre. Celle des trois Cours qui s'y refusera sera traitée comme ennemie par les deux hautes parties contractantes et la Suède s'y refusant, le Dannemarck sera contraint de lui déclarer la guerre» (там же. С. 61–62).

боротся с надеждой на успех, борьба с контрабандой по суше не могла его иметь. Поэтому при неучастии какой-либо европейской страны в блокаде Англии, английские товары легко могли попадать через нее во все другие страны Европы.

В Манифесте «О заключении мира с Французской империей», изданном 9 августа 1807 года, Александр I назвал данный мир «благословенным». «Постановлением настоящего мира, — заявлялось в заключительной части Манифеста, — не только пределы России во всей их неприкосновенности обеспечены, но и приведены в лучшее положение присоединением к ним выгодной и естественной грани²⁰. Союзнику нашему²¹ возвращены многие страны и области, жребием войны, отторгнутые и оружием покоренные. Совершив на сих основаниях мир желанный, и Богу, устрояющему судьбы царств и покровительствующему России восслав хвалу благодарения, удостоверены Мы, что все верные Наши подданные, предваренные уже известием о сем радостном происшествии, прольют теплые их молитвы к Престолу Царя Царей, да благодатию его ограждаемая Россия, в справедливом уповании на любовь и преданность сынов ее, на непоколебимое и испытанное мужество знаменитого ее воинства, наслаждается незыблемою тишиною и благоденствием»²².

Однако в действительности заключение Александром I в Тильзите мирного договора с Наполеоном было воспринято в России как происшествие совсем не радостное. Всего лишь несколько месяцев назад было издано «Увещание от Святейшего Синода к православным христианам», где о Наполеоне творилось: «Это тварь, сожженная собственною своею совестью, от которой и благость Божия отступила!

²⁰ В данном случае подразумевается присоединение к России Белостокской области Польши.

²¹ Имеется в виду Пруссия.

²² 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22584. С. 1232-1233.

И желает он с помощью помощников злодейства его, иудеев, похитить священное имя Мессии». Данное «Увещание» повелено было читать по воскресным дням по всем церквам России вместо проповеди. И вот после серии таких чтений вдруг приходит официальное известие о том, что российский император встретился с этой «тварью» на Немане, обнимался с нею, обменивался орденами, вел переговоры и заключил мирный договор. Русские люди расценили все это как унижение своего национального достоинства.

Русские купцы и помещики, которые вели выгодную для себя торговлю с английскими промышленниками, получив известие о заключении Александром I мирного договора с Наполеоном, забеспокоились и по другой причине. Тильзитский мир предвещал им большие убытки. «Договор о союзе наступательном и оборонительном», предусматривавший присоединение России к блокаде Англии, остался в тайне, но нетрудно было догадаться, что без этого условия Наполеон не заключил бы с российским императором мирного договора.

28 сентября 1807 года шведский посланник в Петербурге барон Штединг сообщал своему королю Густаву IV: «Недовольство императором все более и более растет, повсюду говорят такое, что страшно слушать... Раздаются публичные речи о необходимости перемены правления... Говорят, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена от власти, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на трон хотят возвести великую княгиню Екатерину (сестру Александра I. — В. Т.)».

Нетрудно представить, как должны были восприниматься подобные разговоры российским государем, знавшим, что нечто

сходное говорилось о его отце после того, как он пошел на союз с Наполеоном, тогда еще первым консулом. Приехавший с Александром в Тильзит Н. Н. Новосильцов однажды прямо заявил ему: «Государь, я должен вам напомнить о судьбе вашего отца».

Сын Павла I оказался после Тильзита в трудном положении: он должен был объяснить русскому обществу, почему пошел на союз с Наполеоном, но при этом не мог назвать публично истинную подоплеку этого своего поступка — пожалуй, важнейшего за всю его предшествовавшую жизнь. Он не мог раскрыть подлинные причины своей податливости даже собственным сановникам, из опасения, что они станут известны потом и Наполеону. Поэтому изобретал объяснения, которые могли оправдать его как человека, но совершенно не оправдывали как русского государя.

Именно такое объяснение заключению мира с Наполеоном Александр I дал в своей инструкции новому послу России во Франции графу П. А. Толстому, датированной 14 сентября 1807 года. Его величество писал в ней: «Месье генерал-лейтенант граф Толстой! Восстановление мира между Россией и Франции позволяет мне направить посла в Париж, я нисколько не колебался остановить свой выбор на Вас... Руководствуясь постоянно неизменными правилами справедливости, бескорыстия и непреложною заботливостью о моих союзниках, Я не пренебрег ничем, находящимся в моей власти для поддержания и защиты их. Независимо от дипломатических сношений, сделанных с этой целью по моему повелению, Я два раза вступал в борьбу с Францией, и, конечно, не будут меня упрекать ни в одном из этих случаев в преследовании каких-либо личных выгод. Усматривая постепенное разрушение начал, на которых уже столько веков основывалось спокойствие и благосостояние Европы, Я

чувствовал, что обязанность и достоинство российского государя обязывали меня не оставаться праздным зрителем этого окончательного разрушения. Я сделал все, что было в силах человеческих. Но в том положении, до которого ошибками других доведены были дела, — когда мне одному пришлось бороться со всеми силами Франции, поддержанными огромными средствами, доставляемыми ей Германией, Италией, Голландией и даже Испанией; когда Я был совершенно оставлен союзниками, на которых я имел повод всего более рассчитывать; наконец, когда увидел, что границы моей империи подвергаются опасности от сцепления ошибок и обстоятельств, которые мне невозможно было тотчас отвратить, — Я рассудил, что имею полное право воспользоваться предложениями, неоднократно сделанными мне в продолжение сей войны императором французов. Тогда и я в свою очередь решился предложить перемирие, за которым в скором времени последовал окончательный мир между Россией и Францией, подписанный в Тильзите 25 июня (7 июля) и ратифицированный одной и другой сторонами через два дня»²³.

Граф П. А. Толстой был убежденным противником союза России с Францией и тем не менее Александр I, как он сам признал, «нисколько не колебался», выбирая его на должность посла в Париж. Маленькая деталь, но она больше говорила о подлинных настроениях российского императора, нежели изложенное им в этом письме объяснение своего решения заключить мирный договор с Наполеоном.

Истинные свои взгляды на Тильзитский мир и союз с Францией Александр I раскрыл только своей матери. 25 августа 1808 года, перед

²³ Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. С. 103. Текст императорской инструкции был написан на французском языке.

отъездом в Эрфурт на новое свидание с Наполеоном, он получил от Марии Федоровны письмо, в котором выражалась тревога относительно положения России, в котором она оказалась после заключения мирного договора с Францией. «Я встревожена и опечалена до глубины души, дорогой Александр, угнетена ужасной мыслью — видеть Вас вредящим самому себе», — писала императрица. — «Общее положение дел за границей представляет в высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена велениям кровожадного тирана, управляющего ею с железным скипетром в руках». «Бросим взгляд на наше внутреннее положение: мы увидим там всеобщее недовольство, смешанное с негодованием, отвращение к французам, погубленную торговлю; цены на предметы первой необходимости возросли столь чрезмерно, что для бедных это равнозначно голоду; недостаток в соли, финансовые средства в положении, близком к банкротству; имеющееся небольшое количество звонкой монеты, ходящее по чрезмерному курсу, так как ассигнации потеряли половину своей стоимости, уменьшив наполовину средства пропитания живущих жалованьем и вынуждая их к нищенству и кражам. Так как произведения страны остаются у нас на руках, денежных оборотов более не происходит, и, следовательно, рудники, заводы, мануфактуры падают, само государство, вследствие потерь таможенного дохода, видит свои средства значительно уменьшившимися, а между тем расходы постепенно растут под влиянием обстоятельств, одновременно угнетающих и деревенского жителя и дворянина, одним словом, нет сословия, которое не страдало бы, не было бы отягощено». Мария Федоровна опасалась, что при новой встрече с Наполеоном ее сын снова пойдет на уступки, и

пыталась побудить его отказаться от поездки в Эрфурт. Ее слова, проникнутые тревогой за судьбу России, пронзали Александра совсем не материнским укором. «Бонапарт, — взывала она к разуму сына, — сумел вырвать у Вас в Тильзите согласно на разрыв с англичанами, на войну со Швецией и даже на это новое несчастное свидание. И вот пусть прошлое послужит Вам уроком для будущего. Это свидание исторгнет от Вас новые кровавые меры, резню, оно повлечет за собой гибель вашей страны и, в конце концов, даже Вашу собственную. Вы согласитесь действовать против Австрии, против всех врагов Бонапарта, Вы разделите его намерения, будете действовать для него, подкапываясь, таким образом, под самого себя, потому что разве не очевидно, что, ослабляя силы государств, оказывающих сопротивление Бонапарту, Вы истощаете самого себя и в равной мере увеличиваете силы, которые он когда-нибудь выставит против нас. Ради Бога, Александр, уклонитесь от этого свидания, уважение народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно».

Александр I дал достойный ответ на этот укор, похожий на укол шпаги. В письме императрице Марии Федоровне, написанном 26 августа, он объяснил сокрытую от всех подоплеку своего союза с французским императором:

«Ваше письмо, дорогая матушка, и предмет, о котором оно говорит, налагают на меня обязанность отвечать на него с доверием и откровенностью, на которую я чувствую себя способным. Не входя во все подробности, которые повлек бы за собой спор об общем положении дел за границей, я ограничусь указанием на некоторые факты, которые, как мне кажется, трудно опровергнуть, не попирая истины. После несчастной борьбы, которую мы вели против Франции, последняя осталась наиболее сильной из трех еще

существующих континентальных держав, и по своему положению, по своим средствам, она может одержать верх не только над каждой из них в отдельности, но даже над обеими взятыми вместе. Не является ли в интересах России быть в хороших отношениях с этим страшным колоссом, с этим врагом поистине опасным, которого Россия может встретить на своем пути?

Для того, чтобы было позволено надеяться с достаточным основанием, что Франция не будет пытаться вредить России, нужно, чтобы она была заинтересована в этом; одна лишь польза является обычным руководящим началом в политической деятельности государства. Нужно, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России, с того момента, как у нее не будет этого убеждения, она будет видеть в России лишь врага, пытаться уничтожить которого будет входить в ее интересы. Если какая-нибудь надежда на мир на континенте вероятна, то разве не путем единения между Россией и Францией можно надеяться осуществить ее?

Можно ли ожидать, чтобы Наполеон не знал о превосходстве своих сил, своих средств, своего местного положения, и надежда побудить его идти другим путем, чем тот, которого он держится, не является ли несбыточной?

Поэтому, каким другим средством могла располагать Россия для того, чтобы сохранить свое единение с Францией, как не готовностью примкнуть на некоторое время к ее интересам и тем доказать ей, что она может относиться без недоверия к ее намерениям и планам.

К этому-то результату должны были клониться все наши усилия, чтобы таким образом иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени

наши средства и силы... А для этого мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие...

Момент, выбранный для свидания именно таков, что налагает на меня обязанность не избегать его. Наши интересы последнего времени заставили нас заключить тесный союз с Францией; мы сделаем все, чтобы доказать ей искренность, благородство нашего образа действия. Следует ли, в виду минутных неудач, испытываемых Наполеоном, испортить все сделанное нами и поселить в нем сомнения насчет наших истинных намерений? Неудачи, которые он испытывает, быть может, кратковременны, в таком случае не должны ли мы быть уверены, что навлечем на себя в полной мере его месть, и находимся ли мы уже в состоянии пренебречь ею?

Если этим неудачам суждено продолжаться, постоянство, которое мы вносим теперь в наш образ действий, но причинит нам никаких затруднений, мы спокойно будем смотреть на его падение, если такова воля Провидения... Но чего я желаю прежде всего, так это того, чтобы мне доказали, на чем основываются предположения о столь близком падении столь могущественной империи, как Франция настоящего времени. Разве забыли, что она сумела оказать сопротивление всей сплотившейся против нее Европе в такое время, когда ее саму раздирали всевозможные партии, междоусобная война в Вандее, когда вместо армии она имела лишь национальную гвардию, а во главе себя правительство слабое, колеблющееся, столько раз ниспровергавшееся другим правительством, столь же слабым. А в настоящее время она управляется необыкновенным человеком, таланты, гений которого не могут быть и оспариваемы, и управляется

со всей силою, которую придает ему самая неограниченная власть, поддерживаемая всеми наиболее грозными средствами, при наличии армии закаленной, испытанной пятнадцатью годами походов...

Мечты оказались лишь слишком пагубными для целой Европы, пора бы, чтобы они перестали руководить кабинетами и чтобы наконец соблаговолили видеть вещи такими, какими они являются в действительности, и удерживались от всяких предубеждений. Если Провидение предрешило падение этой колоссальной империи, я сомневаюсь, чтобы оно могло произойти внезапно; но если бы даже оно было и так, то более благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затем уже принять свое решение. Таково мое мнение...

Я удовольствуюсь, сказав, что было бы преступно с моей стороны, если бы я приостановился с осуществлением того, что считаю полезным для интересов империи, под влиянием разговоров, которые позволяют себе в обществе без малейшего знания дела, не углубляясь в сущность обстоятельств, не желая даже узнать побудительных причин моего образа действий. Поступить иначе, значило бы изменить своему долгу, чтобы погнаться за грустным преимуществом оказаться в согласии с этим "что скажут?" данной минуты, столь же шатким, как и люди, порождающие его. В своем образе действий в области политики я могу следовать лишь указаниям своей совести, своего лучшего убеждения, никогда не покидающего меня желания быть полезным своему отечеству... Признаюсь, мне тяжело видеть, что, когда я имею в виду только интересы России, чувства, которые составляют действительную силу моего образа действий, могут быть так непонятны»²⁴.

²⁴ Русская старина. 1899. Кн. 4. С. 18–23.

Смысл Тильзитского договора разъяснился через несколько месяцев после его заключения, причем предельно понятно, поскольку разъяснил его сам Наполеон, своими действиями: французский император, по замечанию императрицы Марии Федоровны, сделанному в приведенном выше письме к Александру I, «не только не выполнил ни одного из принятых на себя, по договору, обязательств, но некоторые из них нарушил, заняв области, неприкосновенность которых он гарантировал». Очевидно, что союз с Россией был необходим Наполеону лишь для одной цели — чтобы осуществить полную блокаду Англии. Но участие в блокаде британских островов меньше всего отвечало интересам России. Уже по одной этой причине **Тильзитский мир не мог быть ничем более, как всего лишь перерывом перед решающей схваткой двух держав, его заключивших.**

Это чувствовали и французы, и русские, собравшиеся в Тильзите во время переговоров двух императоров. В обстановке, в которой самым распространенным в разговорах словом было слово *paix* — мир, уже витал дух будущей великой войны между Францией и Россией. Этот дух ощутил в атмосфере русско-французского тильзитского общества побывавший в ней адъютант генерала П. И. Багратиона Денис Васильевич Давыдов. И навсегда запомнил. В своих воспоминаниях о Тильзите 1807 года он отметит: «Что касается до нас, — одно любопытство видеть Наполеона и быть очевидными свидетелями некоторых подробностей свидания двух величайших монархов в мире, — занимало всех нас в высшей степени; но тем и ограничивалось все наше развлечение. Общество французов нам ни к чему не служило; ни один из нас не искал не только дружбы, даже знакомства ни с одним из них, невзирая на их старание, — вследствие

тайного приказа Наполеона, — привлекать нас всякого рода приветливостями и вежливостью. За приветливости и вежливость мы платили приветливостями и вежливостью — и все тут. **1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть»**²⁵ (выделено мною. — В. Т.).

То, что Тильзитский мир между Францией и Россией не мог быть ничем более, как всего лишь перерывом перед их решающей схваткой, хорошо понимал М. М. Сперанский. В конце 1811-го или в начале 1812 года им была составлена записка «О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира», которая начиналась со следующих выводов:

«Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно.

Достоверность всякого мира может быть твердо основана на трех только положениях:

- 1) На относительной слабости одной из воюющих держав.
- 2) На выгодах мира.
- 3) На характере государей.

Тильзитский мир не довольно ослабил Россию, чтоб не могла она помышлять о новой войне.

Выгоды сего мира не столь были важны, чтоб вознаградить потерю коммерческих ее сношений.

Следовательно, один характер государя доставлял всю достоверность, все ручательство мира.

Франция совершенно знала и не скрывала сего положения вещей.

²⁵ *Давыдов Д. В.* Тильзит в 1807 году // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Часть 2. М., 1860. С. 255.

Следовательно, самый простой расчет благоразумия запрещал ей полагаться на Тильзитский мир. Страхом оружия надлежало поддержать слабость трактатов.

Франция точно и следовала сему правилу.

С самым почти Тильзитским миром началось образование и сооружение Варшавского герцогства. Силы ее, в Пруссии и в Германии расположенные, не ослабевали; сколь ни настоятельны были нужды испанской войны, Франция всем жертвовала, чтоб сохранить по всей возможности северную воинскую ее систему.

Следовательно, Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный»²⁶.

Обозрев историю взаимоотношений Франции и России с момента заключения в Тильзите мирного договора, Сперанский сделал вывод о том, что войну между ними можно лишь отдалить, но никоим образом «нельзя отвратить ее на долгое время». «Тильзитский мир, — пояснил он свою мысль, — по существу своему есть мир невозможный, не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых его последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований»²⁷.

Присоединение России к блокаде британских островов произошло не сразу после ратификации тильзитских договоров. Первый шаг к этому был сделан 24 октября 1807 года изданием

²⁶ Сперанский М. М. О вероятностях войны с Франциею после Тильзитского мира // Русская старина. 1900. Том 101. № 1. С. 57–58.

²⁷ Там же. С. 65.

декларации «О разрыве мира с Англией». Вину за указанный разрыв Александр I возложил на британское правительство, имея для этого более чем достаточно оснований. В тексте декларации были приведены факты очевидного предательства Англией своего союзника, которого она втянула в войну с Францией за свои интересы и бросила на произвол судьбы. Здесь говорилось, в частности:

«Двукратно император Всероссийский воспринимал оружие в такой войне, коей прямые и ближайшие последствия относились к Англии. Тщетно Его Величество настоял, чтоб, по убеждению собственных польз ее, решилась она содействовать. Не к соединению войск ее с российскими была она призываема, но чтоб произвести диверсию; к удивлению Его Величества, в собственном ее деле она пребывала в бездействии. Взирая равнодушно на зрелище кровопролитной брани, ею воспаленной, она посылала между тем войски свои к овладению Буэнос-Айра; другая часть воинских сил ее, собравшихся в Сицилии, двинулась, наконец, с сего места. Надлежало предполагать, что силы сии, предназначенные действовать в Италии, обратятся к берегам Неаполитанским: но они обратились к покушению овладеть Египтом.

С большею еще чувствительностью и прискорбием Его Императорское Величество видел, что против доброй веры и точных и самых явственных выражений трактатов, Англия угнетала на море торговлю подданных Его Величества; и в какое время? Тогда, как кровь России проливалась в знаменитых сражениях, где против войск Его Величества были направлены и удерживаемы все воинские силы Его Величества императора французского, с коим Англия была, как и теперь еще находится, в войне»²⁸.

²⁸ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22633. С. 1306.

После перечисления фактов предательства Англии по отношению к России и агрессивных действий относительно Дании²⁹, в декларации провозглашалось: «Его Императорское Величество прерывает всякое сообщение с Англией, отзывает Свое посольство, там бывшее, и не желает иметь здесь английского. С сего времени не будет между обеими державами никакого сношения. Его Величество требует от Англии, чтоб удовлетворены были Его подданные во всех правильных их исканиях по кораблям и товарам, взятым и удержанным против точной и явственной силы трактатов, во время царствования Его заключенных».

Верный своей внешнеполитической линии защищать интересы не только России, но и союзных с нею государств, Александр I заявлял далее, что не восстановит никаких сношений с Англией, «доколе Дания удовлетворена не будет».

В заключительной части декларации российский император выражал надежду, что «Его Величество король Великобританский, внемля собственной своей чувствительности, вместо того, чтоб позволять своим министрам расширять вновь пламя войны, поступит к заключению мира с Его Величеством императором французским, мира, коего совершение может распространить на все народы неоцененные плоды общего спокойствия»³⁰.

28 октября, то есть всего через четыре дня после издания декларации «О разрыве мира с Англией», Александр I издал именной указ, данный министру коммерции, которым повелел наложить эмбарго на все английские суда, находящиеся в российских портах, и на имущество англичан, пребывающее на этих судах, при биржах и в

²⁹ Осуждая Англию за агрессию против Дании, Александр I имел в виду нападение британского военного флота на Копенгаген и захват англичанами всех датских военных кораблей.

³⁰ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22633. С. 1308.

таможенных пакгаузах³¹. Дальше этой меры российский император идти не желал. И своего посла в Англии М. Р. Воронцова не отозвал. Запрет на ввоз английских товаров в Россию, как по морю, так и по суше, Александр I ввел лишь 20 марта 1808 года³² и то после настоятельных требований сделать это со стороны французского посла Коленкура. 16 августа 1808 года его величество издал именной указ, данный министру коммерции, которым постановил конфисковать привезенные на двух кораблях к городу Архангельску товары из Англии, однако остальные шесть кораблей с солью, поставляемой в казну, распорядился принять³³. После этого английские корабли продолжали заходить в российские порты, но лишь под нейтральным флагом.

В результате Россия присоединилась к блокаде британских островов, но в полной мере предписанного «Договором о союзе наступательном и оборонительном» режима не соблюдала. Однако и эти половинчатые меры наносили заметный ущерб русско-английской торговле.

М. М. Сперанский не принял во внимание пагубных последствий Тильзитского мира для экономики России, полагая, что они были вполне преодолимы. Вытекавшие из Тильзитского мирного договора ограничения торговли с Англией действительно не могли привести российскую экономику к краху, однако проблемы для нее создавали весьма чувствительные. Сильнее всех от них страдали интересы

³¹ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22664. С. 1316.

³² См.: Именной указ, данный Сенату, «О запрещении привоза английских мануфактурных товаров в Россию». 20 марта 1808 года // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 22908. С. 145.

³³ См.: Именной указ, данный министру коммерции, «О конфискации всех привозимых к российским портам из Англии товаров» // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 23226. С. 525.

торговавших с англичанами русских дворян, купцов, промышленников.

К началу 1808 года курс российского рубля упал почти вдвое. И главной причиной этого падения было прекращение российского экспорта в Англию. Казалось бы, сырьевые материалы и в первую очередь строевой лес, который прежде поставлялся из России на британские острова вполне могла приобретать Франция, но дело в том, что Великобритания в ответ присоединение России к системе континентальной блокады блокировала своим военным флотом французские порты. Между тем сырьевые товары, в которых существовала потребность во Францию, могли поставляться из России, по причине своей громоздкости, только морем. Перевозка их по суши была слишком дорогой. Сокращение же вывоза продукции из России приводило к разорению именно тех слоев русского общества, которые были потребителями французских товаров. Поэтому введенная Наполеоном система континентальной блокады, пагубно влияя на российскую экономику, начинала плохо сказываться и на экономике французской. Рынок сбыта французских товаров не увеличивался в результате блокады британских островов, но — как ни парадоксально — сокращался. Между тем представители французского правительства в России бдительно следили за тем, чтобы отсюда ничего не уходило в Англию. 16 июля 1808 года французский посол в Петербурге Арман Огюстен Луи де Коленкур сообщал министру иностранных дел Жан-Батисту Номперу де Шампаньи о том, что предпринимает попытки воспрепятствовать поставке русской пеньки англичанам³⁴, и в то же время жаловался, что

³⁴ См. письмо Коленкура Шампаньи от 16 июля 1808 г. в издании: Николай Михайлович, вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона: 1808–1812 гг. В 7 томах. Том 2. СПб., 1906. С. 231.

предотвратить ввоз английских товаров в Россию через Архангельск и Одессу французы никак невозможно. Комментируя эту ситуацию, Е. В. Тарле писал: «Другими словами, французский посол понял, что осуществлять континентальную блокаду в России можно, собственно, односторонне: мешая больше русским продавать свой товар англичанам, нежели препятствуя англичанам продавать свои товары русским. Получался абсурд: выходило, что посол Наполеона, союзника Александра, сидит в столице Александра, чтобы способствовать разорению русской торговли, а не английской»³⁵.

К началу 1810 года в министерстве иностранных дел Франции окончательно пришли к мысли о том, что затеянная Наполеоном блокада британских островов оказалась совершенно неэффективной. 16 марта 1810 года министр Шампаньи представил своему императору секретный доклад, в котором говорилось о том, что Англия продолжает вести обширную торговлю с северными странами. «При таком положении вещей к чему служит для Франции мнимая коалиция северных государств против англичан? Не обладая морскими силами для действительного воздействия на последних, расположенные втайне покровительствовать обману, заменяющему для них дозволенную торговлю, они, отдавая пустые приказания, лишь делают вид, что способствуют целям вашего величества и исполняют свои обязательства. Поэтому-то и блокада, которая должна заставить Англию умереть с голода среди сокровищ обеих Индий, свелась к системе бессвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россия, Пруссия, Дания, Швеция, под видом открытого разрыва с лондонским двором и близких отношений к Франции, сохраняют настоящий нейтралитет, выгодный лишь для англичан, так как

³⁵ Тарле Е. В. Сочинения. В 12-ти томах. Том 3. Континентальная блокада. С.351.

состояние нашего флота делает его совершенно призрачным для нас. И тогда преимущества, которых мы ожидали от союза с Россией, с каждым днем исчезают, Россия, напротив того, быстро пользуется всеми выгодами, вытекающими для нее от союза с нами. Она уже мирно владеет Финляндией, и для полного осуществления всех секретных соглашений, Тильзитского и Эрфуртского, ей остается лишь обеспечить себе договором обладание Молдавией, Валахией и Бессарабией, с давних пор покоренных и занятых ее войсками»³⁶.

Главными тезисами доклада стали выводы о том, что союз Франции с Россией, «несмотря на личный характер императора Александра, следует считать союзом непрочным и близящимся к своему концу»; и что «сближение петербургского и лондонского дворов, вызванное различными обстоятельствами, не может быть отдалено на очень долгое время и частью зависит от состава и политики нового английского министерства»³⁷.

Предельно откровенный доклад министерства иностранных дел о плачевном состоянии континентальной блокады не побудил, однако, Наполеона отказаться от этой политики. Напротив, как показали дальнейшие события, выводы этого документа подвигли французского императора на более решительные действия с целью укрепления системы блокады британских островов. Очевидно, что без Российской империи данная блокада теряла всякий смысл. Между тем заставить Александра I соблюдать в полной мере заключенные им с Наполеоном в Тильзите и подтвержденные в Эрфурте соглашения об участии России в торговой войне против Англии было все труднее и труднее.

³⁶ Секретный доклад, представленный Наполеону министерством иностранных дел. 4 (16-го) марта 1810 года // Русская старина. 1897. Том 89. № 3. С. 424–425.

³⁷ Там же. С. 453–454.

После поражения под Аустерлицем российский император развернул широкомасштабную программу реорганизации и перевооружения армии. За короткий срок благодаря титаническим усилиям инспектора всей артиллерии и военного министра графа А. А. Аракчеева была усовершенствована русская артиллерия, введена новая, более совершенная структура вооруженных сил, упорядочена система управления войсками, обучены военному делу сотни офицеров и десятки тысяч солдат³⁸.

К началу 1810 года Россия имела новую, более мощную армию, чем когда-либо прежде. Свидетельством произошедших в русских войсках перемен к лучшему стала успешная война России со Швецией. Она началась в феврале 1808 года и длилась почти полтора года. Завершилась она мирным договором России со Швецией, подписанным во Фридрихсгаме 5 (17) сентября 1809 года. По нему в вечное владение России переходили вся Финляндия, Аландские острова и восточная часть Вестро-Ботнии до рек Торнео и Муонио. Швеция обязывалась присоединиться к континентальной блокаде.

Франция в то время воевала вместе со своими союзниками с коалицией государств в составе Австрии, Великобритании, Сардинии и Сицилии и тоже победила.

Поведение России во время этой войны стало еще одним свидетельством ее возросшей мощи.

В январе 1809 года Наполеон обратился через своего посла к Александру I с вопросом, не поддержит ли Россия Францию своими войсками в случае войны с Австрией. Российский император ответил, что его держава исполнит свой союзнический долг — русские войска будут к услугам Наполеона в любой момент. Французский император

³⁸ См. об этом: *Томсинов В. А. Аракчеев* (серия «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2003. С. 170–179, 193–208.

принял эти заверения за правду и стал усиленно готовиться к войне. Между тем Александр I дал понять австрийскому правительству, что в случае начала войны Австрии с Францией он и пальцем не пошевелит, дабы помочь своему союзнику. В марте 1809 года австрийская армия развернула активные военные действия против французских войск. Наполеон, опять-таки через своего посла в Санкт-Петербурге Коленкура, стал настойчиво просить российского императора о поддержке. Но Александр каждый раз отвечал, что русская армия уже на границе и готовится к выступлению. Русские войска численностью в 70 тысяч человек в то время действительно были на границе, но во все продолжение войны Франции с Австрией так и не двинулись с места. И лишь когда Наполеон вышел на берега Дуная и решил тем самым участь Австрии, Александр I дал приказ командовавшему ими князю С. Ф. Голицыну перейти границу. В июле 1809 года русские войска без единого выстрела заняли польский город Краков. Война с Австрией закончилась. Россия не потеряла в ней ни одного своего солдата. Французский император был вынужден стерпеть эту хитрость своего союзника.

1 апреля 1810 года Наполеон вступил в брак с Марией-Луизой, дочерью австрийского императора Франца I. Этот брачный союз стал основой и политического союза между Францией и Австрией.

К осени 1810 года ситуация изменилась настолько, что перед Наполеоном вплотную встала проблема – что делать с Россией? Связанная мирным договором с Францией, обязанная в соответствии с договором с ней о союзе наступательном и оборонительном соблюдать правила континентальной блокады Англии, Россия начала вести себя так, будто никаких соглашений между российским и французским императорами не подписывалось.

19 (31) декабря Александр I утвердил «Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе». В изданном по этому случаю манифесте российский император объявил: «Усмотрев из настоящего положения Нашей торговли, что привоз иностранных товаров к явному ущербу внутренней промышленности и с нарочитым понижением денежных оборотов несравненно превосходит выпуск российских произведений, и желая сколь можно восстановить надлежащее в сем равновесие, вняв мнению Государственного совета, признали Мы нужным постановить на производство внешней нейтральной Нашей торговли особенные правила, коих целью есть преградить усиление непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить, сколь можно, произведения внутреннего труда и промышленности»³⁹.

Данное «Положение» не нарушало режима континентальной блокады, поскольку в одном из его параграфов предусматривалось: «Товары, кои состоят в росписи дозволенных, но по происхождению их окажутся неприятельскими, и потому запрещенными, предаются конфискации» (§ 28). Но под установленные запреты и ограничения, повышение пошлин, наконец, попадали, как бы случайно, именно те категории товаров, которые составляли значительную часть французского экспорта в Россию — в первую очередь предметы роскоши, мебель, вина. Е. В. Тарле, специально изучавший последствия принятого в России 19 (31) декабря «Положения о нейтральной торговле на 1811 год», пришел к выводу, что данный акт — «декабрьский указ 1810 г.», по терминологии историка, — «имел пагубное значение для французского сбыта в России», он «нанес

³⁹ 1-ПСЗРИ. Том 31. № 24464. С. 486–487.

французской торговле в России тяжкий, окончательно ее погубивший удар»⁴⁰.

Вместе с тем и Наполеон в декабре 1810 года совершил враждебное действие против своего «союзника», присоединив к Франции герцогство Ольденбургское. Любимая сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна была замужем за сыном и наследником герцога Ольденбургского. Наполеон даже не уведомил об этом своем шаге российского императора, в результате получил от него протест: все эти поступки французского и российского императоров совершенно не укладывались в рамки союзнических отношений.

26 декабря 1810 года Александр I написал письмо сестре Екатерине Павловне, в котором грустно заметил: «По-видимому, кровь еще должна будет проливаться, по крайней мере, я сделал все, что было человечески возможно, чтобы этого избежать»⁴¹. Эти слова показывают, что Александр начинал в то время осознавать: Россия обречена на войну с Францией.

Бесцеремонный захват Наполеоном герцогства Ольденбургского свидетельствует, что и он был такого же мнения. В бумагах Наполеона самое раннее свидетельство о том, что он стал допускать возможность новой войны Франции с Россией, относится к 3 марта 1811 года. Этим днем датировано его письмо к министру иностранных дел Ж.-Б. Н. де Шампаньи. «Мне кажется, — писал в нем французский император, — что надо добавить несколько пассажей, которые бы дали знать, что я совершенно не буду воевать из-за указа и тарифа, но я буду принимать меры против последствий дурного духа, вызванных этим

⁴⁰ Тарле Е. В. Указ соч. С. 502.

⁴¹ Цит. по: Тарле Е. В. Сочинения. Том 7, Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 449.

актом, и что я не начну войны, если только Россия не захочет помириться с Англией»⁴² (выделено мною. — В. Т.).

Наполеон не мог не понимать, что завоевать Россию при ее пространствах и народе, привыкшем довольствоваться весьма скудным материальным достатком, практически невозможно⁴³. Однако он и не ставил перед собой цели покорить Россию. Многие обстоятельства и в том числе высказывания самого Наполеона указывают на то, что мысль о войне против России возникла в нем в тесной связи с его мыслями о судьбе континентальной блокады. Понимая, что без участия России никакого сколько-нибудь плодотворного результата политика блокирования английской торговли не даст, он искал способ принудить ее к активным действиям в этом направлении. Очевидно, что Наполеону нужен был новый договор с Россией о ее участии в блокаде Англии, однако опыт тильзитского договора «о союзе наступательном и оборонительном», по которому Россия брала на себя такое обязательство, показывал, что само по себе соглашение между двумя государствами является слабой гарантией того, что оно будет ими соблюдаться. Россия едва ли не с самого начала не считала для себя нужным исполнять полностью статью названного договора, предусматривавшую ее присоединение к континентальной блокаде. Но по мере роста ее военного могущества стала принимать меры и против французской торговли. В этих условиях желание Наполеона сохранить и упрочить систему блокады

⁴² *Lettres inédites de Napoléon I (An VIII - 1815) publiées par Léon Lecestre. Tome second (1810-1815). Paris, 1897. P. 116.*

⁴³ «Я не до такой степени не понимаю своих выгод, чтобы ринуться в войну против великой державы, которая обладает огромными средствами и которой храбрые войска будут защищать свои собственные жилища», — говорил Наполеон 30 марта (11 апреля) 1811 г. в разговоре с посланником Александра I полковником А. И. Чернышевым (Донесения полковника А. И. Чернышева императору Александру Павловичу // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 76)

Англии диктовало ему только один способ решения проблемы под названием «Россия» — военный.

Чтобы Россия стала более податливой для политики континентальной блокады, надобно было превратить ее в слабое государство. Ведь Наполеону нужен был новый договор о континентальной блокаде не просто с Россией, но со слабой Россией. Достичь ее ослабления можно было не только военным способом, но французский император был человеком армейским — он и государством своим управлял так, как управляют армией. Война являлась его профессией и потому казалась самым лучшим способом решения политических проблем.

* * *

О том, что мысль о военном походе на Россию вызрела в сознании Наполеона на почве проводившейся им политики континентальной блокады, и что война против России была для него ничем иным, как продолжением этой политики, свидетельствует уже сам характер подготовки французского императора к военному удару по России.

Эта подготовка не только не скрывалась, но как будто даже специально демонстрировалась императору Александру.

9 (21) февраля 1811 года посланник императора Александра I, а фактически разведчик, направленный его величеством для сбора информации о подготовке Франции к войне с Россией, полковник А. И. Чернышев сообщал канцлеру Н. П. Румянцеву: «Все принимаемые Наполеоном меры теперь уже могут служить для нас доказательством, что война с Францией неизбежна, хотя и нельзя с точностью определить время, когда она начнется. Дела испанские и приготовления Наполеона, которые он, конечно, захочет окончить

прежде, нежели ее нам объявить, дают повод надеяться, что мы будем иметь 6 или 8 месяцев для приготовлений»⁴⁴.

В послании Чернышева Румянцеву, датированном 28 апреля (10 мая) 1811 года, отмечалось: «Все заявляемые уверения в дружбе и расположении к нам Франции нисколько не меняют положения и хода дел. Их цель заключается лишь в том, чтобы нас усыпить и выиграть время и приготовления к войне продолжаются усиленно и с необыкновенною быстротою, как заявил мне сам император Наполеон. Кажется, они еще бол е усилены с тех пор, как получено было известие о назначении некоторых наших дивизий в дунайскую армию и вообще о числе собранных нами войск»⁴⁵.

Летом полковнику Чернышеву удалось собрать сведения о переменах во внутренней организации французской армии, которые явно свидетельствовали, что Наполеон готовится к большой войне. 5 (17) августа 1811 года он сообщал Н. П. Румянцеву: «Маршалы Удино и Ней уже восемь дней, как получают жалованье генералов начальствующих над корпусами большой армии. Три дня тому назад первый уехал, чтобы принять начальство над утрехтским лагерем и Эмбденским, также как и над всеми войсками 17-й и 31-й дивизий. Маршал Ней, кажется, положительно, назначается начальствовать над Булонским лагерем. Все военные говорят, что подобные распоряжения делаются обыкновенно пред самым открытием кампании. Устройство администрации для большой армии окончено, лица назначены, многие части уже отправлены, другие получили приказание быть готовыми, огромные магазины с запасами устроены в Магдебурге, Гамбурге и преимущественно в Везеле. Из последнего

⁴⁴ Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 150.

⁴⁵ Там же. С. 158–159.

перечня, который я отправил в Петербург, ваше сиятельство могли заметить увеличение сил внутри империи, независимо от конскриптов, отправленных в Испанию и другие корпуса, находящиеся вне пределов Франции. В настоящее время, не довольствуясь обыкновенною конскрипцией, собирают еще не добранных конскриптов 1811 г. или резерв и речь идет уже о конскрипции за 1812 г.»⁴⁶.

7 (19) сентября 1811 года полковник Чернышев передал новые подробности о намерениях Наполеона: «Выиграв время для окончания всех приготовлений к войне против России, на которую он окончательно решился, она представляется ему в настоящее время неизбежной для того, чтобы достигнуть той власти, которой желает, к которой направлены все его действия, т. е. к господству над Европою. Можно даже прибавить, что эта мысль льстит его самолюбию и защищает его до такой степени, что никакие уступки с нашей стороны не могут отсрочить этой великой и важной битвы, от исхода которой будет зависеть не только судьба России, но и всей Европы. Император Наполеон, имея под рукою более 300 тысяч хороших войск, весьма выгодные операционные линии, опирающиеся на первоклассные крепости и притом решив судьбу Пруссии, окружив ее со всех сторон, не опасается исхода войны с Россией в том случае, если ему удастся окончить ее в одну непродолжительную кампанию. Чего он может опасаться и чего действительно опасается это то, чтобы она не затянулась надолго, зная очень хорошо бедность и недовольство господствующие внутри Франции, равно как отчаяние и плачевное положение различных государств в Германии и оставляя войну в

⁴⁶ Там же. С. 222.

Испании во всем ее разгаре во всех местностях, несмотря на многочисленные подкрепления, которые туда отправлены»⁴⁷..

30 ноября 1811 года посол России во Франции князь Ал-р Б. Куракин направил из Парижа письмо к графу Н. П. Румянцеву, в котором писал: «Слухи о начатии военных действий на севере и всякого рода приготовления к оным не перестают умножаться. Повсюду при дворе и в городе явно говорят о скорой, неперемнной войне против нас. С сожалением должен я повторить, что оно не подвержено уже ни малейшему сомнению... Военный министр в доверенном разговоре с одним приятелем своим сказал, что Франция готовясь теперь к войне против нас никогда еще не имела столь обильной попечительно снабженной армии, потому что на сии приготовления имела время и оные не теряла. Великие силы и способы Наполеоном к ополчению против нас изготовлены. Не время уже нам манить себя пустою надеждою, но наступает уже для нас то время, чтоб с мужеством и непоколебимою твердостью достояние и целость настоящих границ России защитить».⁴⁸

В донесении графу Румянцеву от 24 декабря князь Куракин еще раз обращал внимание на подготовку Франции к войне. «Признаки враждебных намерений императора Наполеона в отношении к нам, на которые я уже указывал вашему сиятельству в предшедших моих депешах, с каждым днем увеличиваются и становятся очевиднее, — подчеркивал он. — Военные приготовления продолжаются непрерывно и в настоящее время уже не скрываются»⁴⁹.

⁴⁷ Там же. С. 238–239.

⁴⁸ Донесения и письма князя А. Б. Куракина канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 351–352.

⁴⁹ Там же. С. 352.

В декабре 1811 года приготовления Франции к войне с Россией зашли настолько далеко, что люди осведомленные о происходившем в высших кругах Французской империи стали говорить о том, что война начнется в ближайшее время. «Лица наиболее сведущие, — сообщал 6 (18) декабря 1811 года полковник Чернышев из Парижа канцлеру Румянцеву в Петербург, — думают, что положение дел таково: император Наполеон со дня на день все более раздражается против России и потому не может быть сомнения, что разрыв последует в непродолжительном времени, что в настоящее время нельзя уже отвечать более, как за два-три месяца спокойствия и даже со дня на день надо ожидать его внезапного отъезда к армии»⁵⁰.

Россия также готовилась к войне заблаговременно. Первые мероприятия, предваряющие эту подготовку, были осуществлены еще в 1809 году, когда квартирмейстерские офицеры провели по поручению Александра I рекогносцировку пограничной полосы на западной границе Российской империи.

В январе 1811 года военный министр М. Б. Барклай-де-Толли зачитал Александру I доклад, в котором изложил свой план ведения военной кампании при вторжении французских войск в Россию. В нем предполагалось разделение русских войск на две армии и наблюдательный корпус, но война со стороны России еще мыслилась в то время наступательной.⁵¹ Позднее, узнав, какие огромные военные силы собирает Наполеон для похода в Россию, русские генералы признают, что более эффективным способом ведения войны с

⁵⁰ Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского русского исторического общества. Том 21. С. 269.

⁵¹ См.: Доклад Военного министра государю императору // Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том 7. Подготовка к войне в 1811 году. СПб., 1907. С. 187-189.

Наполеоном будет отступление, заманивание его армии вглубь России и уничтожение по частям.

Наполеон имел, по меньшей мере, два плана ведения военной кампании против России. Перед началом войны он отдавал предпочтение плану, который был рассчитан на двухлетний срок и предполагал в первый год боевых действий продвижение армии вторжения только до Смоленска, а захват Москвы откладывал на второй год.

Но ход войны с первых же ее дней пошел не по тому сценарию, который он себя начертал, и французский император принял решение идти на Москву как можно быстрее. Чем был продиктован этот оказавшийся роковым для него выбор древней русской столицы в качестве конечной остановки на своем пути в Россию? — Трудно сказать. Думается, немалую роль сыграла здесь обыкновенная растерянность человека, столкнувшегося с неизвестным и неожиданным.

Впрочем, есть основания считать, что растерянность овладела Наполеоном еще весной, когда размышляя о военном походе в Россию, понял он, что *эта затея мало имеет только один смысл — погубить его самого.*

Анн-Жан-Мари Рене Савари, герцог Ровиго (1774–1833), занимавший с весны 1810 года должность министра полиции Франции, записал в своих мемуарах весьма любопытный разговор, состоявшийся у него с Наполеоном весной 1812 года. Французский император готовился тогда к отъезду из Парижа к войскам, собиравшимся для вторжения в Россию, и не мог не думать о предстоявшем походе. По словам Савари, Наполеон заговорил с ним в этой беседе «о войне, которую он снова вынужден предпринять: он

жаловался на плохое стечение обстоятельств и на то, что оказался вынужденным вступить в войну против России только в этом году, дабы не иметь Австрию и Пруссию против себя в следующем году; он сказал мне, что в данный момент он обладает многочисленной армией, достаточной для этого предприятия, в то время как он может стать слабее, если будет бороться в следующем году с большим числом врагов. Он сильно сожалел о том, что доверился чувствам, побудившим его заключить мир в Тильзите, и часто повторял: **“Тот, кто избавил бы меня от этой войны, оказал бы мне великую услугу; но вот она передо мною, нужно из нее выпутываться”**⁵² (выделено мною. — В. Т.).

* * *

В марте 1812 года Александр I по всей видимости уже знал дату, если не точную, то приблизительную, запланированного вторжения наполеоновских войск в пределы России. 17 марта его величество выслал в Нижний Новгород Сперанского, которого в столичном обществе считали поклонником Наполеона,⁵³ а в начале апреля стал готовиться к отъезду из Санкт-Петербурга в действующую армию. 3 апреля 1812 года император издал именной указ, данный Сенату,

⁵² «C'est dans cette conversation qu'il me parla de la guerre qu'il était encore force d'entreprendre: il se plaignit d'avoir été mal servi, et de se trouver obligé de faire la guerre à la Russie seul cette année, pour n'avoir pas l'Autriche et la Prusse contre lui l'année suivante; il me dit que dans ce moment il avait une armée nombreuse, suffisante pour cette entreprise, tandis qu'elle pourrait devenir inférieure, si l'année suivante il avait des ennemis de plus à combattre. Il regrettait vivement d'avoir eu confiance dans les sentimens qui l'avaient décidé à faire la paix à Tilsit, et répétait souvent: Celui qui m'aurait évité cette guerre m'aurait rendu un grand service; mais enfin la voilà, il faut s'en tirer» (Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Tome cinquième. Second edition. Paris, 1829. P. 229)

⁵³ См. об этой истории и о записках М. М. Сперанского, посвященных подготовке России к войне с Францией в издании: Томсинов В. А. Сперанский (серия «ЖЗЛ»). М., 2006. С. 198–230.

которым приказал соединить департаменты законов и государственной экономии Государственного совета и предусмотрел порядок их действий после своего отъезда из столицы. «На случай отсутствия Нашего из столицы, — постановлял государь, — соединенные департаменты уполномочиваются разрешать министра финансов на отпуск сумм для чрезвычайных надобностей свыше 10.000 рублей, по объявляемым от имени Нашего повелениям от лиц, на то право имеющих, не ожидая собственноручных наших указов. В таком случае разрешают они министра финансов на отпуск сумм по всем делам, нетерпящим времени на удовлетворение важных государственных нужд; и при каждом таком решении доносят Нам немедленно, посредством Председателя Государственного совета».⁵⁴

Одновременно с этим указом был издан акт более общего характера, определивший порядок производства дел в Государственном совете во время отсутствия императора в столице.⁵⁵

9 апреля Александр I покинул Санкт-Петербург. 14 апреля его величество прибыл в Вильно, где в то время расположилась главная штаб-квартира русской армии. У Наполеона эта новость вызвала беспокойство: не собирается ли российский император ввести свои войска в Восточную Пруссию или в герцогство Варшавское. 27 апреля он отъехал из Парижа в Дрезден, направив перед этим в Вильно графа Луи Нарбонна с предложениями касательно взаимоотношений между Францией и Россией. В разговоре с посланником Наполеона Александр I не скрыл, что знает о намерении французского

⁵⁴ «На Именной указ, данный Сенату, от 3 апреля 1812 года «О соединении Государственного совета департаментов законов и государственной экономии и о правах оных во время высочайшего отсутствия из столицы // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25073. С. 276.

⁵⁵ Именной указ, данный Государственному совету, от 3 апреля 1812 года «О порядке производства в оном дел во время высочайшего отсутствия из столицы» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25074. С. 277–278.

императора пойти войной на Россию. Подведя Нарбонна к развернутой на столе карте Российской империи, Александр сказал ему: «Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне, как видите пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленного угла, куда бы я не отступил, нет такого пункта, который я не стал бы защищать, прежде чем согласиться заключить постыдный мир. **Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России»**⁵⁶ (выделено мною. — В. Т.).

Граф Нарбонн передаст это высказывание российского императора Наполеону, а впоследствии приведет его в своих мемуарах.

* * *

С рассветом 12 июня 1812 года полумиллионная наполеоновская армия начала форсирование Немана близ Ковно (Каунаса). Перед началом переправы через реку в войсках, подошедших в ночной темноте к берегу, было прочитано воззвание Наполеона к армии.

«Солдаты! — говорилось в нем. — Начинается вторая война польская. Первая кончилась пред Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия клялась иметь вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого объяснения в странных поступках своих, доколе орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Неужели почитает она нас переменившимися? Разве мы не те уже воины, которые сражались под Аустерлицем? Россия поставляет нас между бесчестьем

⁵⁶ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Том 3. Издание 2-е. СПб., 1905. С. 79.

и войною. Выбор не может быть сомнителен. Итак, двинемся вперед! Перейдем Неман. — Внесем войну в ее пределы. Вторая польская война, точно как и первая, прославит оружие французское; но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливому влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...»⁵⁷.

Назвав затеянную военную кампанию против России «второй польской войной», французский император хотел, вероятно, показать, что одной из целей начатой им войны против России является восстановление польского королевства и привлечь этим на свою сторону поляков⁵⁸. А может всерьез думал, что исход войны с Россией решится у ее западных границ. Как бы то ни было вместо «польской» он получил самую что ни на есть русскую войну.

Александр I также обратился с воззванием к своим войскам, которое гласило: «Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая

⁵⁷ Цит. по: *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Ч. 1. Издание 2-е. СПб., 1837. С. 128.

⁵⁸ Первыми из французов переправились на восточный берег Немана саперы. Была еще ночь, но переправившиеся были сразу же обнаружены одним из казачьих разъездов. Приблизившись к саперам, его командир спросил их, кто такие. «Французы», — услышал он в ответ. «Чего вы хотите и зачем вы в России?», — спросил еще раз русский офицер и получил предельно откровенное признание: «Воевать с вами, взять Вильну, освободить Польшу!» Вслед за этими словами в сторону русских полетели пули. Выстрелив в ответ на них, казачий патруль скрылся в темноте. Это было первое боевое столкновение Отечественной войны 1812 года.

мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император, нападением на войска Наши при Ковно, открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог. Александр»⁵⁹.

Весть о том, что Наполеон пошел войной на Россию, всколыхнула все русское общество. «Русский народ поднялся как один человек, и для этого не требовалось ни прокламаций, ни манифестов, — писал в одном из своих писем из Петербурга чиновник министерства иностранных дел России Готхильф Фабер. — Правительство говорило о том, чтобы положить предел вызванному движению; но письменными приказами нельзя сдержать подобных порывов, подобному тому, как нельзя возбудить их такими приказами. Совершенно исключительное зрелище представлял этот народ, прямо подставляющий неприятелю свои открытые груди... Русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности; она — вся в ощущении. С одного конца России до другого она проявляется одним и тем же способом, решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение — молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом — вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем

⁵⁹ Цит. по: *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С. 132.

— такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать. Победить или быть побежденным, середины для русских не существует»⁶⁰.

Это настроение русского общества выразилось и в именном указе императора Александра I председателю Государственного Совета и Комитета министров графу Н. И. Салтыкову, изданном 13 июня, на следующий день после начала вторжения французских войск в Россию. В нем говорилось:

«Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользой Моего народа. Все старания Мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается Мне иного, как поднять оружие, и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силой. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. **Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем. Пребываю к вам благосклонный**»⁶¹ (выделено мною. — В. Т.).

⁶⁰ *Фабер Г.Ф.* Письмо из Петербурга // Недаром помнит вся Россия... К 175-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1987. С. 45-46.

⁶¹ Именной указ, данный Председателю Государственного Совета и Комитета Министров графу Салтыкову, от 13 июня 1812 года «О необходимости поднять

Противостоявшие наполеоновским войскам в июне 1812 года русские военные силы были разделены на две армии: в 1-й из них, находившейся под командованием М.Б. Барклая-де-Толли, насчитывалось 118 000 чел., во 2-й армии, которой командовал П.И. Багратион, насчитывалось 35 000 чел., то есть против полумиллионной армии вторжения Россия могла выставить всего лишь 153 000 воинов.

К этому следует заметить, что у Наполеона было значительно больше возможностей пополнения своих войск, двинувшихся в поход против России, нежели у Александра I. Общая численность французской армии на начало 1812 года составляла 850 000 чел. Кроме того, Наполеон располагал войсками своих союзников (Италии, герцогства Варшавского, германских княжеств) общей численностью в 337 000 чел. В его распоряжении находились, таким образом, вооруженные силы общим числом в 1 187 000 чел. Все сухопутные силы Российской империи составляли на 1 января 1812 года 517 682 человек регулярных войск⁶².

Спустя три недели после вторжения войск Наполеона в Россию Александру I стало очевидным, что одной армией, без помощи народа, это нашествие не отразить. Поэтому 6 июля русский государь обратился к своим подданным с воззванием о сборе ополчения из представителей всех сословий. Данное воззвание было издано в виде манифеста. Его содержание в полной мере соответствовало такой форме законодательного акта.

оружие к отражению французских войск от Российских пределов» // Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 1.

⁶² Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С. 69–70, 86.

Начинался Манифест 6 июля 1812 года с указания на чрезвычайную опасность для России вторжения в ее пределы сильной армии, собранной французским императором из войск нескольких иностранных держав: «Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования»⁶³. Отсюда делался вывод о невозможности защитить страну одной лишь армией без содействия всего народа. В качестве способа оказать помощь армии Александр I предлагал местному российскому дворянству создавать ополчение. «Сего ради, при всей твердой надежде на храброе Наше воинство, — заявлял его величество, — полагаем Мы за необходимо нужное: собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех. Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему, Москве; а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единокорным и общим

⁶³ Манифест от 6 июля 1812 года «О сборе внутри государства земского ополчения» // Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 6.

восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русский! храброе потомство храбрых Славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»⁶⁴.

В день, когда появился Манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», Александр I подписал еще один весьма значимый акт, а именно «Трактат о заключении мира между Россией и Англией»⁶⁵. Он прекращал состояние войны, в котором обе державы находились с 24 октября 1807 года, то есть с момента издания декларации «О разрыве мира с Англией», объявившей о том, что российский император «прерывает всякое сообщение с Англией, отзывает Свое посольство, там бывшее», и не желает иметь в России ничего английского. Издание этого документа показывало, что военный поход Наполеона против России приводит к прямо противоположному результату, нежели тот, которого французский император стремился посредством его добиться.

Не дожидаясь ратификации трактата о заключении мира с Англией, Александр I Именным указом, данным Сенату 4 (16) августа, повелел открыть английскому флагу все российские порты на

⁶⁴ Там же. С. 7.

⁶⁵ Там же. С. 7-9.

Балтийском, Белом, Черном и Азовском морях для того, чтобы между Российской империей и Английским королевством начались «торговые сношения со всякою бозопасностию» и «на основании ныне существующих узаконений»⁶⁶.

12 (24) сентября 1812 года высочайшим Манифестом было позволено всем российским подданным, «на основании существующих законов, с подданными Великобританского королевства, яко с союзною, издревле дружественною с Нами державою, вступать беспрепятственно и безопасно во всякие торговые сношения»⁶⁷.

15 (27) сентября 1812 года Именным указом Александра I, данным Сенату, с английских торговых кораблей было снято эмбарго, наложенное высочайшим Указом от 28 октября 1807 года⁶⁸.

Манифест «О торговых сношениях между Россией и Англией» и Указ «О снятии с английских купеческих кораблей эмбарго и об освобождении от секвестра имущества, англичанам принадлежащего», были изданы в то время, когда Наполеон пребывал в Москве. Он вошел в древнюю столицу России 2 (14) сентября. Французский император, считавший себя победителем в Бородинском сражении, надеялся именно здесь подписать с Александром I новый мирный договор и потому не спешил покидать Москву, задержавшись в горевшем огнем и ненавистью к захватчикам городе на целых 34 дня, в то время когда буквально каждый день

⁶⁶ Именной, данный Сенату, от 4 августа 1812 г. «О восстановлении с Англиею мира и о начатии торговых с оною сношений, на основании существующих узаконений» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25197. С. 405.

⁶⁷ Манифест «О торговых сношениях между Россиею и Англиею» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25223. С. 421.

⁶⁸ Именной указ, данный Сенату, от 15 сентября 1812 г. «О снятии с английских купеческих кораблей эмбарго и об освобождении от секвестра имущества, англичанам принадлежащего» // Там же.

промедления с выступлением из Москвы ухудшал положение пребывавших там его войск.

По мнению Дениса Давыдова, эта задержка роковым образом сказалась на судьбе наполеоновской армии, вошедшей в Москву. «И подлинно, — писал он, вспоминая о событиях Отечественной войны, — выступи армия сия на 14 дней прежде, то ни один замысел фельдмаршала (Кутузова. — В.Т.) не достиг бы до полной зрелости. Армия наша не успела бы усилиться частью войск, сформированных князем Лобановым; в лагере учение рекрут и поступивших в линейные полки ратников не пришло бы к окончанию; с Дону не успели бы прибыть 24 полка козаков, что с находившимися при армии полками составило более 20 тысяч истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда неприятелю во время его отступления; дух армии не возвысился бы от победы, одержанной над неприятельским авангардом 6 октября». По словам героя Отечественной войны, последние 14 дней пребывания Наполеона в Москве «довершили расстройство неприятельской армии. Недостаток в продовольствии оказался уже по истечении 20-дневного срока; ибо все, что еще оставалось под рукою, все окончательно израсходовалось, а по израсходовании всего, бродяги умножились и разврат обуял все части армии. Если бы армия сия выступила 14 дней прежде, то она не только избегла бы голода, но и прошла бы все расстояние от Москвы до Смоленска путем сухим и погодою ясною, по той причине, что осень была необыкновенно теплая, а стужи и вьюги поднялись только 22 октября, то есть в то время, в которое неприятель мог уже быть за Смоленском»⁶⁹.

⁶⁹ Давыдов Д. В. Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона. М., 1825. С. 31–33.

Выступив из Москвы утром 7 (19) октября, французский император спустя десять дней достиг Бородинского поля. Еще через три дня он был в Вязьме. 24 октября (5 ноября) его видели с гвардией в Дорогобуже. 28 октября (9 ноября) Наполеон добрался до Смоленска. Выступив ранним утром 2 (14) ноября из Смоленска, он к вечеру 7 (19) ноября оказался в Орше. Отечественная война явно подходила к своему очевидному, predetermined многими обстоятельствами завершению.

3 (15) ноября — в день, когда Наполеон был на пути из Смоленская в Оршу — Александр I издал Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества». Выражая в нем признательность русским ратным людям, дворянам, купцам и мещанам, проявившим в борьбе с опасным врагом мужество, верность и любовь к Отечеству, российский император одновременно рисовал картину обрушившейся на русскую землю войны. Он обращал особое внимание на тот факт, что вместе с французскими войсками в Россию вторглись австрийские, прусские, саксонские, баварские, виртембергские, вестфальские, итальянские, испанские, Португальские и польские полки; что целями Наполеона было разорение России, разрушение религиозных и нравственных устоев русского общества, лишение русских людей самостоятельной государственности. «Убийства, пожары и опустошения следовали по стомам его, — отмечалось в Манифесте. — Разграбленные имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словом: все неслыханные доселе неистовства и лютости, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в

сердце врага страх и зависть. Обладание целым Светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сей боязнью и глубокой ненавистью к ней, враждал, изобретал, устроил он в уме своем все коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству ее всеконечное разорение, изобилию ее повсеместное опустошение. Даже хитрыми и ложными обольщениями мнил потрясть верность к Престолу, поруганием же Святыни и храмов Божиих поколебать Веру, и нравы народные заразить буйством и злочестием. На сих надеждах основал он пагубные свои замыслы, и с ними, наподобие тлетворной и смертоносной бури, понесся в грудь России»⁷⁰.

Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества» был издан в то время, когда наполеоновская армия находилась еще на территории России. Но картина ее состояния, которая давалась в этом акте, не оставляла никаких сомнений относительно исхода войны. Это была картина бегущих в беспорядке вражеских войск, оставляющих пушки, обозы, бросающих тысячами на произвол судьбы своих раненных и больных. В свете такой картины совсем не преждевременным оказывалось изъявление Александром I благодарности русским людям всех сословий. Для ее выражения автор текста Манифеста⁷¹ нашел простые и в то же время душевные слова: «Внимая с отеческим чадолубием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных наших верноподданных, вначале приносим Мы теплое и усердное благодарение Источнику и Подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом торжественно от лица всего Отечества изъявляем

⁷⁰ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 11–12.

⁷¹ Им был скорей всего тогдашний государственный секретарь адмирал и писатель Александр Семенович Шишков (1754–1741).

признательность и благодарность Нашу всем Нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения, и главной частью или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени сообразные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такой же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какой, за несколько перед тем недель, раздирала плугом поля»⁷².

В Манифесте особо выделялся подвиг, совершенный крестьянами, простыми русскими людьми. «Многие селения, — отмечалось в нем, — скрывали в леса семейства свои и малолетних детей, а сами, вооружась и поклявшись перед Святым Евангелием не выдавать друг друга, с невероятным мужеством оборонялись и нападали на появляющегося неприятеля, так, что многие тысячи оного истреблены и взяты в плен крестьянами, и даже руками женщин, будучи жизнью своей обязаны человеколюбию тех, которых они приходили жечь и грабить. Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков»⁷³.

⁷² Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 12.

⁷³ Там же. С. 13.

Заканчивался Манифест от 3 ноября 1812 года следующими словами русского государя: *«Почитаем за долг и обязанность сим Нашим всенародным объявлением изъяснить перед целым светом благодарность Нашу, и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу Российскому»*⁷⁴.

Война разорило помещичьи и крестьянские хозяйства Смоленской и калужской губернии, нанесла огромный урон купечеству, оставила большие разрушения в городах, сильно пострадали от европейских варваров и церкви. 10 декабря 1812 года Александр I утвердил Положение Комитета министров «О продовольствии разоренных жителей и об устройстве Смоленской и частью Калужской губерний», представлявшее собой обширную программу помощи населению указанных губерний, план преодоления всех вообще последствий вражеского вторжения⁷⁵.

В этом Положении предусматривалось, в частности, «для продовольствия разоренных поселян Смоленской губернии составить запасы в Тамбовской и частью в Тульской губернии, произведя закупку на счет казны через избранных от дворянства чиновников, без огласки для отвращения возвышения цен, или, буде издержки на сие будут для казны отяготительны, заимствовать хлеб из сельских магазинов оных же, или и прочих губерний с доставлением в Смоленскую». Такой запас продовольствия предполагалось сделать для 200.000 душ, преимущественно казенных и удельных крестьян; помещичьим же крестьянам предписывалось оказывать помощь только в случае, когда помещики, «не имея достаточной собственности в других губерниях, лишены способов к доставлению им продовольствия». «Положение» допускало выделение пособий и

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См.: Там же. С. 13–20.

для помещиков других губерний, если они будут испытывать в нем нужду, но такое пособие было предложено давать «заимообразно», обеспечивая его возвращение «при первом урожае, с тех же самых имений»⁷⁶. На закупки хлеба для казенных и помещичьих крестьян, «кои потерпели совершенное разорение и вовсе не имеют способов к своему продовольствию», из государственной казны выделялся миллион рублей. Крестьяне и мещане освобождались от податей за вторую половину 1812 года и за весь будущий год. Устанавливался запрет на взыскание в разоренных селениях недоимок. Купцы же, приписанные к городам Смоленской и Калужской губерний, которые были заняты неприятелем, и претерпевшие разорение, освобождались от платежа процентов с капиталов за будущий год, если они оставались «на прежнем местопребывании и в прежних гильдиях»⁷⁷.

Вечером того дня, которым было датировано приведенное Положение об оказании помощи разоренным жителям Смоленской и Калужской губерний, император Александр I прибыл в Вильно — город, в котором он встретил начало Отечественной войны. 12 декабря у государя был день рождения, ему исполнялось 35 лет. На следующее утро по прибытии его величество собрал у себя генералов и тепло поблагодарил их за службу. Затем отправился с ними и с великим князем Константином Павловичем на войсковой парад. Прибывшие из Петербурга сановники и генералы сразу же заметили, что русская армия не та, что была прежде. Одеты несравненно проще — так, как должно одеваться для длинных, утомительных переходов и боев. Даже солдаты-гвардейцы и те напоминали своей толстой неуклюжей обувью и простой одеждой более крестьян, нежели храбрых воинов. А уж строем и вовсе ходить разучились. Император

⁷⁶ Там же. С 14.

⁷⁷ Там же. С. 18.

Александр заметно помрачнел. А брат его Константин, глядя на проходящие мимо нестройные ряды русского войска, не смог сдержать негодования: «**Эти люди только и умеют, что сражаться!**» — вскричал с досадой великий князь.

* * *

Для многих современников и участников описываемых событий война 1812 года между Россией и Францией представлялась грандиозным явлением мировой истории. Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), состоявший в 1812 году чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе графе Ф. В. Ростопчине, свою книгу о походе Наполеона против России, писавшуюся весной 1813 года, начал со следующей констатации: «Поход Наполеона Бонапарте против России в 1812 году есть одно из чрезвычайнейших событий от самого сотворения мира. Размышляя, что более полумиллиона войска, сто двадцать тысяч лошадей, тысяча триста пушек приведены были с отдаленнейшего края Европы к границам Азии, в июне месяце вошли в пределы Русского царства, в сентябре вторглись в древнюю нашу столицу; что в начале декабря двадцатая токмо часть с предводителем своим спаслась бегством, и что, наконец, три месяца спустя отважные наездники с берегов Волги и Дона привели поить лошадей своих к Эльбе, кто из потомков наших не усомнится в происшествиях, превышающих всякое человеческое воображение?»⁷⁸ Указывая на мировое значение победы России в войне с Францией, А. Я. Булгаков счел необходимым использовать ключевой образ библейской мифологии. «Позднейшее потомство, — утверждал он, — будет говорить о 1812 годе, как мы теперь говорим о всемирном потопе. Тогда окруженный водою ковчег спас Ноеву

⁷⁸ Булгаков А. Я. Русские и Наполеон Бонапарте. Издание второе, с рисунками. М., 1814. С. I. На титульной странице данного издания фамилия автора не указана.

семью; здесь же, объятая пламенем Москва спасает наводненную злодеяниями, безбожием и ужасными бедствиями Европу»⁷⁹.

Командующий 2-й Западной армией генерал П. И. Багратион не имел дара выражаться столь образно, поэтому изображал войну России с наполеоновской Францией более простыми, народными красками. 7 августа 1812 года он писал управляющему канцелярией императора Александра I генералу А. А. Аракчееву: «Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, Боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений мириться: вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло, — надо драться, пока Россия может, и пока люди на ногах; **ибо война теперь не обыкновенная, национальная**»⁸⁰ (выделено мною. — В. Т.).

Подобную оценку давал войне 1812 года и Федор Николаевич Глинка (1786–18880). Будучи офицером и участником боев с наполеоновской армией, он последовательно в течение всего времени, пока они шли, записывал свои впечатления о них в жанре писем другу. В 1821 году часть этих писем, посвященная боевым действиям на территории России, была издана с параллельными текстами на двух языках — русском и французском — под названием «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года».

Характеризуя в письме, датированном 30-м августа 1812 года, главную битву этой военной эпопеи, Ф. Н. Глинка писал: «О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородиным! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. "Оценка людей, — говорит премудрая Екатерина, — не может

⁷⁹ Там же. С. III.

⁸⁰ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Л., 1941. С. 54.

сравняться ни с какими денежными убытками!” Но в **войне отечественной**⁸¹ и люди ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! — Нет, друг мой, ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! — Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле»⁸² (выделено мною. — В. Т.). В письме, написанном 18 декабря 1812 года, Федор Глинка заявлял: «*Отечественная война*⁸³ переродила людей... Мой друг! Сия война ознаменована какою-то священной важностию, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели из объятий *независимости* и *Муз*, чтоб стать грудью за родной предел»⁸⁴.

* * *

25 декабря 1812 года император Александр I возвестил своим Манифестом «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» об окончании Отечественной войны. «Объявляем всенародно. — обращался государь к своим подданным. — Бог и весь свет тому свидетель, с какими желаниями и силами неприятель вступил в любезное Наше Отечество. Ничто не могло отвратить злых и упорных его намерений. Твердо надеющийся на свои собственные и собранные им против нас

⁸¹ С. Н. Глинка перевел фразу «в войне отечественной» на французский язык словами «dans la guerre nationale», т. е. как «в войне национальной».

⁸² Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821. С. 126, 128.

⁸³ В данном случае для перевода словосочетания «отечественная война» на французский язык С. Н. Глинка использовал слова «la guerre patriotique».

⁸⁴ Там же. С. 214, 216.

почти со всех Европейских Держав страшные силы, и подвизаемый алчностью завоевания и жаждой крови, спешил он ворваться в самую грудь Великой Нашей Империи, дабы излить на нее все ужасы и бедствия не случайно порожденной, но издавна уготованной им, всеопустошительной войны... Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Вломившийся в грудь ее враг всеми неслыханными средствами лютостей и неистовств не мог достигнуть до того, чтобы она хотя единожды о нанесенных ей от него глубоких ранах вздохнула. Казалось с пролитием крови ее умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее воспалялась любовь к Отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовь к Отечеству, колико любовью к Богу. От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия, едва ли имоверные, едва ли когда слыханные. Да представят себе собранные с 20 Царств и народов, под едино знамя соединенные, ужасные силы, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в Нашу землю. Полмиллиона пеших и конных воинов и около полуторы тысячи пушек следовали за ним. С сим толико огромным ополчением проникает он в самую средину России, распространяется, и начинает повсюду разливать огонь и опустошение. Но едва проходит шесть месяцев от вступления его в Наши пределы и где он?.. Где войска его, подобные туче нагнанных ветрами черных облаков? Рассыпались, как дождь. Великая часть их, напоив кровью землю, лежит, покрывая пространство

московских, калужских, смоленских, белорусских, и литовских полей. Другая великая часть в разных и частых битвах взята со многими военачальниками и полководцами в плен, и таким образом, что после многократных и сильных поражений, напоследок целые полки их, прибегая к великодушию победителей, оружие свое перед ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть, в стремительном бегстве своем гонимая победоносными Нашими войсками, и встречаемая мразами и голодом, устлала путь от самой Москвы до пределов России, трупами, пушками, обозами, снарядами, так что оставшаяся от всей их многочисленной силы самомалейшая, ничтожная часть изнуренных и безоружных воинов, едва ли полумертвая может придти в страну свою, дабы к вечному ужасу и трепету единоплеменников своих возвестить им, коль страшная казнь постигает дерзающих с бранными намерениями вступить в недра могущественной России»⁸⁵.

* * *

Открытая и даже демонстративная подготовка Франции к войне с Россией, формирование Наполеоном огромной — приблизительно полумиллионной армии вторжения, периодически повторяемые им высказывания о том, что на самом деле он войны с Россией не желает, но вынужден пойти на нее, чтобы предотвратить ее союз с Англией, — все это заставляет думать, что французский император смотрел на свой военный поход в Россию помимо прочего еще и как на грандиозный военный спектакль, призванный произвести впечатление на Европу, на Россию, на российского императора. Он почему-то решил, что война это лучший способ добиться выгодного для себя мира и думал, что если войдет в Москву, то Александр I

⁸⁵ Там же. С. 21-23.

немедленно начнет с ним мирные переговоры. Наполеон не догадывался, что в России монарх только по названию самодержец, что нет у него власти остановить войну русских людей против чужой армии, пришедшей на их землю, что такая война всегда неизбежно превращается в ОТЕЧЕСТВЕННУЮ, которую прекратить в России может только РУССКАЯ ПОБЕДА.